

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ КОСМОС

О стихотворении М.Ю.Лермонтова
“Выхожу один я на дорогу”

Что есть творчество как не попытка заговорить врожденную душевную тревогу. Но можно ли заговорить ее окончательно? Только “откупишься” от ее накала куском чего-то созданного, как – хлоп! – накатывает новая волна, и все надо начинать сначала, то есть пытаться утишить новую порцию тревоги новой песней. Так и идешь по этой дороге, пока не поймешь, что “пред гением судьбы пора смириться, сэр” (А.Блок). Но и, уже окончательно смиряясь, (и, стало быть, прощаясь), пишешь еще одну песню – лебединую. Самую жгучую и самую прекрасную. В которой, несмотря на всю уходящность, все-таки горит надежда. Ибо художник – одна сплошная душа, а как обойтись душе без надежды?

Но не тем холодным сном могилы...

Не тем... Хотя и чуешь, что тем, тем... Душа, содрогаясь, ясно прозревает Судьбу, но вещая рука все-таки выводит – не тем... И старается притормозить, замедлить последние шаги?

Жду ль чего? Мечтаю ли о чем?

А июльский вечер у подножия Машука все ближе, ближе. И все чаще теперь мечется и, просыпаясь, вскакивает по ночам бабушка в Тарханах... И тень матери склоняется над последней кавказской дорогой... Уж она-то, эта тень, знает, что, увы – “тем спокойным сном могилы”, на роду написанном. На двух родах написанном – Столыпиных и Лермонтовых... Петр Аркадьевич Столыпин еще и не родился, но и его убьют...

Выхожу один я на дорогу...

В последнюю дорогу...

Один хотел окончательно осесть в Петербурге и основать литературный журнал (какой был бы журнал!), другой, желая блага России, хотел ввести земельную реформу (какая была бы реформа!). Но невидимые скрижали неукоснительнее и неумолимее явных... Не было счастья у рода, не было счастья у России. И погасли звезды, не договорив...

И звезда с звездою говорит...

Еще и в том смысле, что в одном столетии в роду Столыпиных рождаются сразу две звезды (и какие!) – Михаил Юрьевич и Петр Аркадьевич. Две звезды, две судьбы, перекликающиеся друг с другом через десятилетия. Диву даешься, скольким обязана Россия роду Столыпиных! Вот он, великий ген!

Ночи на кремнистых дорогах Кавказа. Их было много. За короткую жизнь он столько раз отправлялся из Москвы, Петербурга и Тархан на Кавказ и обратно. На воды и в ссылку. Добровольно и принудительно. Одна и та же душа (разительно меняющаяся с годами) проезжала по одним и тем же маршрутам вдоль одних и тех же панорам. Сколько раз безотчетно запечатлевал взор поэта открытый безоблачный космос над Кавказом, его кремнистые дороги и звезды в нечеловеческую величину.

Сначала он ехал вдоль лесов России. Потом его встречала степь – открытая, широкая, с небом безмерным, ничем не заслоненным на горизонте. Дальше шли предгорья и характерный говор казаков. Именно здесь, в одной из мазанок, торопливо взбежав на крыльцо, он написал за чьим-то обеденным столом свою знаменитую “Казачью колыбельную песню”, перекликаясь о Вальтером Скоттом, а вернее со своей волнолюбивой душой. Дальше шел Кавказ – возвышенный, торжественный, белоглавый и вечный, безмолвие которого было красноречивым. Поэт и красота – какими словами передать это? Вот тот источник, который рождает стихи. Конечно, то было свойством духа Лермонтова (врожденным свойством), что слова в его стихах стояли, как белоглавые горные пики на фоне синего неба в яркий солнечный день – ясно, чеканно, колдовски резко. До рези в глазах отчетливо. Но в данном случае врожденность была помножена еще и на долгое безотчетное созерцание кавказских панорам. На те же панорамы глядел позже и зоркий глаз лзва Толстого, а описания совсем не походили на лермонтовские. Скажут: так ведь то проза. Какая разница – я ведь говорю о манере запечатления. Мир полон таинственных переплетений и, возможно, в сем случае две возвышенные чеканные отчетливости встретились (душа Лермонтова и горы Кавказа). Мы черпаем из глубин душевных. Все так. Это ясно, как божий день. А таких божьих дней (и ночей) Кавказ подарил Лермонтову немало. Тут все завязалось в тесный узел. Он развязался в одном из последних, предсмертных шедевров. И слова встали, как горные пики. А величавая мысль поплыла над ними, как небо над этими пиками. То самое алмазное небо, по которому “ангел летел”. Низкая

облачность не позволяет проследить полет ангела. У смутной души нет таких слов.

...И звезда с звездою говорит...

На Кавказе, в отличие от севера, ночи темнее, а в черные, темные ночи звезды виднее. Да и величина их огромнее из-за приближенности земли к небесам (горы).

*...Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.*

Невольно чувствуется то, что младенец лежит не в комнате, а под открытым небом. Теплота и прозрачность ночей тоже проступает невольно: месяц ясный.

“Кавказ подо мною”, – сказал Пушкин. “Кавказ надо мною”, – как бы сказал Лермонтов, и вскинул голову вверх, туда, где “звезда с звездою говорит”. Как и ангелы, – безмолвно. Иногда это называют музыкой сфер. Порой – звуками небес. Кант, Кеплер, Паскаль, Лермонтов были заморожены этим безмолвием огромного полночного мира. И Ньютон собирал ракушки на берегу океана вечности. Они думали, что звуки льются на землю сверху, с небес. И не подозревали, что это звучало их собственное сердце. “Красота не в пустыне, а в душе араба”, гласит поговорка.

“Мой дом везде, где есть небесный свод” (Лермонтов). Голова, навечно поднятая к Богу и к алмазным горным пикам Кавказа. Таковы и стихи – возвышенные, алмазоносные. Весь Лермонтов как кимберлитовая трубка, если кто знает что это такое.

Что бросается в глаза прежде всего даже при беглом взгляде на это стихотворение? Общая “сухость”, обезвоженность, аскетичность лексики, придающая тексту динамику, движение, резкую запоминаемость. Это стихотворение-кость. Кроме резкой врожденной способности так видеть вещи где же еще искать истоки этой краткости? Это не простой порыв вдохновения. Не сочиненный, не вдруг явившийся образ. К такому идут всей жизнью и всю жизнь. На такое наталкивает особый строй мышления, особая линия судьбы, невероятная чуткость одиночества, рождающая чудо созерцания:

*В небесах торжественно и чудно,
Спит земля в сияньи голубом...*

Каким одиноким должен чувствовать себя вышедший в ночь человек, чтобы заметить, что даже холодные звезды не одиноки во вселенной!..

Мы не поймем в этом стихотворении ничего, если будем оставаться только в сфере языка. Запечатленное и запечатленное многократно, поразившее когда-то и оттого резко запомнившееся — только это даст потом лапидарность языкового шедевра. Картина будет передана формулой. А формула — это всегда главные элементы, простейшее их сочетание, сводимое, в самых великих случаях уже не только к простейшему, но к элементарному. Существительное, глагол. Глагол, существительное. (А что такое существительное? Слово, однокорневое с существительным.) И редко, как бы только под давлением необходимости, еще одна краска — определение или дополнение.

Выхожу я (уступка — на дорогу)

Путь блестит

Ночь тиха

Пустыня внемлет (уступка — богу)

Спит земля

Звезда — говорит (со звездой).

Далее идут развернутые картины (кантилена). После первой почти аскетической строфы, где слова заколачиваются, как гвозди, — крепко, по самую шляпку, навсегда, — вторая строфа, если можно так выразиться, мечтательная, описательная, оканчивающаяся тревожными синкопами: “Жду ль чего? Жалею ли о чем?” Описание — эпическое, широкое. Слова, как и следовало ожидать, из высокого стиля, даже с налетом легкой архаики (которая тем не менее не воспринимается как архаика — вот что значит краткость). “Небеса”, “торжественно”, “чудно”, “сиянье”, “внемлет”. Особенно страшно за слово “чудно”. “Чуть-чуть не в том словесном окружении — и результатом может быть фальшь, пошлость, стертость, избитость, трафарет, несовпадение с общим стилем фразы и т.д. А тут два таких слова рядом — не два даже, три — и каких слова, аж боязно за автора — “небеса”, “торжественно”, “чудно” — и ничего. И не только ничего, а прямо-таки чудно! “В небесах торжественно и чудно”. Широкое дыхание космической ночи над такой же пустынной, как и небеса, землей — над ночной равниной без конца и края. Кремнистый путь, ночь тиха, — то есть дали не заслонены непогодой или туманом, пустыня внемлет богу — о, это картина такого простора, что, пожалуй, и Рейсдалю не под силу изображение такой глубины! Создается впечатление, будто все высокое и объемное само спешило попасться на глаза Лермонтову, что душа его была настроена на космос. И

Все передано главными словами любых языков – существительными, следующими одно за другим. Дорога путь, ночь, пустыня, бог, звезда, небеса, земля, сиянье – и для большей убедительности, но как продолжение главных, опорных слов, лишь два определения – тихий и голубой. И все о том же – о пути, о пустыне, о сиянье, о боге, о ночи над широкой земной равниной (не забудем: голубой и синий – горные тона). Из языкового океана взяты главные элементы и расположены в порядке строжайшего следования. Прорыв бессознательной сферы в сознание абсолютен и осуществляется беспрепятственно. Никакого сопротивления материала. Ибо материала почти нет: лишь комбинация двух-трех главных элементов.

Так написаны многие поздние шедевры Лермонтова. Так написан его “Пророк”. Интересная деталь: этот лаконизм формулы, это усекновение коснулись не только длины фразы, но и длины самих слов: даже эпитеты стали у Лермонтова поджарыми и сухими, как и существительные, – сух, наг, бледен, беден, нищ. Даже вопросительные предложения не пространны, синкопированны: жду ль чего? Жалею ли о чем?

Короче: это тема без вариаций. Душа так насыщена музыкой и времени для пения отпущено так мало, что некогда да и незачем разрабатывать каждый напев, разводить вариации, кружить над сказанным. Никаких побочных, неглавных слов, никаких излишеств, никаких украшений. Линии строги, как в классическом храме, где сразу же отыскиваешь алтарь. Человек и вселенная. Одиночество человека и беспредельность вселенной. Боль и красота. Стык эстетики с этикой. Главнейшая из тем и оттого – главнейшие из слов. Одновременно пейзаж и портрет – лицо земли и лицо размышляющего человека. Мысль, рожденная ощущениями, больше всего зрением. Но не одним зрением: всем опытом предшествующей жизни – памятью, помноженной на созерцание. Становится ясно, что говорить такими словами есть дар видеть такими глазами и дар мгновенно призывать из глубин самые подходящие воспоминания.

Что же помогает этим воспоминаниям так удачно всплывать из глубин и быть такими резко завершенными? Очевидно, дар правильного, пронзительного взгляда на вещи в далеко отстоящий от воспроизведения момент зарождения этих мыслей. Если вы в свое время знали, на что реагировать особенно глубоко и взволнованно, то позже вы сумеете ярко описать свою реакцию. На что ни взгляну, во всем отыщу суть, как бы говорит нам поэт. Безошибочная избирательная реакция на вещи лежит в основе той совершенной системы восприятия (а стало быть, и воспроизведения), которая зовется Михаил

Юрьевич Лермонтов. “Таких стихов долго не дожидаться России” (Белинский).

Выхожу один я на дорогу...

Один. Всегда один.

Пушкина одиноким представляешь все же меньше: с ранней юности вокруг него друзья. У Пушкина характер был шумный, щедрый на дружбы, Лицей и память о Лицее — ежегодное 19 октября, а одинок он бывал больше урывками — сильно и жестоко же, пожалуй, только в Михайловском. А юг ведь и весел, пожалуй: семья Раевских, ранняя робкая любовь, по-отечески расположенный к Пушкину Инзов, и Ризнич в Одессе, и Воронцова... А в Петербурге, в Москве уже опять шумный круг друзей. Даже вынужденная задержка в Болдино была полна Гончаровой. А Кюхля, а Пущин — на всю жизнь!

А что Лермонтов? Один перед лицом трагедий, окружавших его с детства, один перед лицом опалы и ссылки (которой уже!), один перед лицом вражды и неправды, удесятеренных его обостренной чувствительностью. Перед лицом пустынного кремнистого пути в долгие кавказские ночи...

Какое-то вселенское одиночество у этого юноши, почти мальчика. Кстати, сколько общего в тональности у “Выхожу один я на дорогу” и у “Горных вершин” Гете. И мог ли Лермонтов не ухватиться за этот гетевский мотив, не придать ему своих особых глубины и трагизма? Это не перевод, это щедрая раздача своих богатств другому поэту, пусть даже такому гиганту, как Гете.

*Горные вершины
Спят во тьме ночной.
Тихие долины
Полны свежей мглой;*

*Не пылит дорога,
Не дрожат кусты...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.*

Вот уже полтора столетия наибольшие восторги читателей вызывает, конечно же, это — “звезда с звездой говорит”. Меж тем по гениальности предыдущая строка ни в чем не уступает этой, бесспорно, не имеющей аналогов строке. Вслушайтесь, взгляните в эту магическую передачу божественного — “Ночь тиха, пустыня внемлет богу”. Особенно это — “пустыня внемлет богу” — какую ночную надзвездность, какие просторные гулы вселенских пространств

она передает. Покорность огромной ночной пустыни, глас бога над ней. Бог глядит алмазными ночами, как Демон в самую душу Тамары, заволаживая земной простор, огромную открытость этого простора, по которой идет одинокий человек, молящийся перед лицом небес.

Каким воспринимали Лермонтова современники? как все современники – слепо. Правда, не всегда. “Вы еще не подошли к нему, а он уже вас понял”. Но чаще – ‘Строптивый, беспокойный нрав, непомерное самолюбие, преувеличенное чувство чести, которое удерживало его от всякого шага к примирению’. Тяжелый характер, насмешливый ум, отсутствие терпимости, демоническое, разрушительное начало. Великого чувства Бога никто не заметил (“О боге великом он пел”). А также соседства юношеского, незрелого с чем-то более чем зрелым. И великую нежность сердца, и великую тоску по чему-то ангельскому, слишком рано оборванному (мать). Воспоминание о ее пении, когда он, двух с половиной лет, последний раз сидел у нее на коленях... Вот оно, то небо, по которому ангел летел, вот они, те звуки небес...

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел.*

*...Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.*

*...И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

“Мать и музыка” – так назвала свои прекрасные воспоминания о рано утраченной матери-музыкантше Марина Цветаева. К биографии Лермонтова это название подошло бы больше. А, кстати, и название – Цветаевой – не бессознательно ли, не вслед ли Лермонтову всплывшее?...

В “Выхожу один я на дорогу...” кто предшественники и последователи Лермонтова? На ум приходит сразу же:

*Открылась бездна звезд полна,
Звездам числа нет, бездне – дна.
(Ломоносов)*

Далее:

*На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал.*

*И хор светил живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.
Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.
Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.*
(Фет)

*Звездой мерцающей, потиром
Земных скорбей, небесных слез —
Зачем, о господи, над миром
Ты бытие мое вознес!*
(Ив. Бунин)

И конечно:

*Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездою,
Землею кажется звезда.*

*Я пронесу тебя над бездной
Ее бездомностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный
Лишь вдохновеньем для меня.*
(А. Блок)

Через век в те же места, на те же высоты придет другой русский поэт и скажет уже ритмизованной прозой, но с той же пронзительной силой о пиках Кавказа: “Не ландшафт, а система космических мыслей” (Андрей Белый). Пророческая “школа” будет ощущаться отчетливо. Он тоже выйдет один на дорогу. И на какую! И тоже соединит покрытый алмазами снегов возвышенный камень гор с космосом. “Система космических мыслей” тоже передаст в лапидарных словах неземное безмолвие. Черное, ночное, космическое безмолвие. Вот только звезда будет говорить со звездою только у Лермонтова. В пустыне, которая внемлет богу. И в небесах будет торжественно и чудно (лучше не передашь самой огромности простора) только у него. Да, таких стихов долго не дожждаться России.

Всё еще не дождалось.

Вновь седло, Кавказ и пули.

*Что там рок сулит?
Стан казачий. Все уснули,
лишь река не спит.*

*В высях песня херувима.
Тих кремнистый путь.
Но предчувствием теснима
молодая грудь.*

*Здесь ни вьюги, ни метели
в солнечном краю.
Спит младенец в колыбели.
Баюшки-баю.*

*Колыбель, молодка, звезды,
тонкий серп луны.
Поздно, друг мой, поздно, поздно,
дни уж сочтены.*

*У судьбы уж срок назначен.
Найдена мишень.
И у мазанки казачьей
Лермонтов Мишель.
(автор)*